

ПРАВДА РУССКОГО СЕРДЦА

Территория любви Никиты МИХАЛКОВА

ЭТОТ МАТЕРИАЛ может показаться запоздалым: литературная работа Никиты Михалкова — не книжная новинка. Издание готовилось как юбилейное. Юбилей прошёл чудесно, медийно и знатно. А книга попала в разряд сопутствующих. Хотя, по идее, появление книги — культурное событие также незаурядное. Потому что давно признано и непреложно: режиссура, и кинорежиссура в частности, — высочайшее достижение культуры XX века. Большой русский, с мировым именем, художник — артист и мастер отечественной кинорежиссуры — эту истину подтверждает. Подтверждает и творчеством, и повествованием. Такой искренней, захватывающей, такой богатой полезными знаниями, глубокой книги о киноискусстве на издательском поле новой России нет. Посему, пусть с опозданием на два года, книгу высветить надо.

"Территории моей любви" придан подзаголовок: автобиография. Авторскому послыу в анонсе вторит издательство: "замечательный пример яркой автобиографической прозы". Проза Михалкова, конечно же, яркая. И не совсем автобиографическая. По Данию, автобиография: "написанное самим, описание своей жизни". Однако автор вовсе не ограничивается "описанием своей жизни". Книга открывает мир размышлений, восприятий, наблюдений художника, открывает множество смыслов. В примечательных литературных портретах, или красочных заметках, или запоминающихся штрихах на книжных страницах явлены родные и любимые, товарищи, друзья, подруги и недруги автора. Воспоминания слагаются из историй, из новелл, в центре которых, разумеется, главный герой, но в основном — дело, которому он 57 лет преданно служит. В книге рассказано о памятных автору событиях. И, как "золотые мои россыпи", опубликованы малоизвестные факты и подробности и об авторе, и о кинематографе.

Книга — не учебник по актёрскому мастерству и режиссуре. Тем не менее, восприимчивые коллегии найдут много интересного, что можно почерпнуть для личного творческого дарца. Главным образом книга предназначена обычному читателю, а колоритность содержания ублажает и высококолым интеллектуалом. Читатели Никиты Михалкова — они же его зрители, его единомышленники, его верные ценители, вообще любители родного кино.

Но зрительский слой неоднороден. Крепок и цветёт в нём интерес к личной жизни знаменитых артистов. Автор не чурается и такого, бывает, нездорово интереса, идёт навстречу любопытствующим с лёгким сердцем, надеется умиротворить, например, рассказом о своих детях, вообще поразмышлять о соприкосновениях с чадшками: "обожание и боготворение есть единственно правильное, русское, российское взаимоотношение между детьми и родителями", — утверждает Никита Сергеевич. Он вполне печатно рассуждать на темы воспитания и может быть принят как авторитетный советчик, потому что никто из его детей не запятнал отцовское имя, не бросил тень на фамилию рода. Об отношениях с жёнами — с деликатностью: о любви первой — молодой, разлейшей — и о любви второй — главной в жизни — поведано целомудренно, с долей исповедальности. Пресловутая жёлтушка с "Территории любви" отфутболена. Не чета Михалков неумёмным плумурным медиа, особенно ТВ.

Напаст! Обрушились на наши головы так называемые ток-шоу о нынешнем житье-бытье. Нередко в сих программах поблёскивают истории известных актёров. Только артистическое искусство не предмет повестики — здесь беззастенчиво распутывается клубок человеческих драм. Введливо высказывается нечто скандальное, скабрезное, со смердящими душками. И подвергается принародному осуждению. Кто же на передовой дискуссия? Телевизионщики расчёр-

ливы: популярные лица — лакомая приманка для публики, и рейтинг рванёт, значит, рекламщики, гони монеты! И знаковые артисты, по большей части артистки, не отказываются. Правда, бригада заседающих — числом не слишком. Те, кто крылён сценной, съёмочной площадкой, — тем не досуг вникать в чьи-то грешки. Это те, кому не хватает деятельного артистизма, тут как тут: "чужую беду руками разведу", напропалую! Судят, рядят, честят, сплетничают. Или лицемерно сочувствуют, или срываются на перепалку. Понимают ли, сколь пагубной цели потворствуют? Что участвуют в лукаво учинённой ломке вековой народной морали? Помнят ли, что их профессия принадлежит культуре?! Сознают, как отзываются их "выступления"? Ведь наш, некогда одухотворённый искусством, мыслящий зритель уже много лет кормится плотскими сюжетами, салыным смехачеством и опустошается, утрачивает чувство возвышенного и прекрасного, омечанивается, деградирует к пошлой обывательщине. Не вредительство ли это национальной культуре?

Разумеется, Никита Сергеевич чуждается подобных плоских, однотипных программ. Со страниц своей книги замечательнейший артист преподносит урок гармонии в профессиональной среде. Урок без назидательности и пафоса. Тёплым лучиком согревает читательскую душу дружеский настрой автора. Сколько разных восхитённых слов найдено о своих режиссёрах, актёрах своих картин, партнёрах и партнёршах. О каждом — только с добротой, с любовью к художнику. О Рине Васильевне Зелёной, "несравненной миссис Хадсон" и "гениальной женщине", даны обаятельные новеллочки. Ларису Гузееву признаёт замечательной партнёршей, сопереживает ей, трепещущей дебютантке во времена его, паратовской Ларисы. Ирина Купченко — "замечательная, тончайшая, нежная", "изумительная Марина Неёлова". Крупным мазком запечатлён Андрей Алексеевич Попов, был "дисциплина и потрясающая неприхотливость" чужим примером для всех... — очень счастливы, что Господь меня свёл с этим великим человеком". Памятен восторг на съёмках "Дворянского гнезда" Николаем Губенко: "Одно наслаждение было смотреть, как он работает, как движется, как он пластичен". Аплодирует за роль Брежневца Сергею Шакурову: "Высший актёрский пилотаж. Безострашен и танталлив". Олег Меньшиков: "один из самых крупных артистов нашего времени". "Олег Иванович Янковский, блистательный, гениальный", Владимир Ильин: "самобытнейший человек!". О Евгении Стеблов: "Чудный, нежный и удивительно тонкий артист". Вспоминает один съёмочный день на "Предстоянии", восхищается Валентином Гадтом как образцом настоящего профессионального братства, кланяется артисту, "для которого существование в кадре или на сцене... намного важнее, чем деньги или слава". Также благодарно и с позиции мастера даны образы режиссёров. Георгий Данелия под его пером — лёгкий, весёлый, талантливый, чудесный человек... и покровитель, и друг, и учитель. Об их всегда любимой "Я шагаю по Москве". "Мы как бы спели эту картину". Сотворчество с Эльдаром Рязановым определяет как "невероятную свободу и феерически импровизаций". К "Сибирядам" прикивает сердцем: "Я очень люблю эту картину" и гордится режиссёром Кончаловским: "Уже с первых картин Андрона многие актёры, поработавшие с ним, мечтали продолжить сотрудничество". Проникновенно пишет об Алексее Балабанове: "очень одарённый, глубокий, парадоксальный, очень русский". В тексте чётко заложено: шедшие рядом с автором по тернистому художественному пути — незабвенны (правда, по-разному), ныне вместе идущие по этому любезному сердцу пути, на его Территории дорогие люди. На

407-и страницах ни о ком не посудачил, не написал ни одного дурного слова.

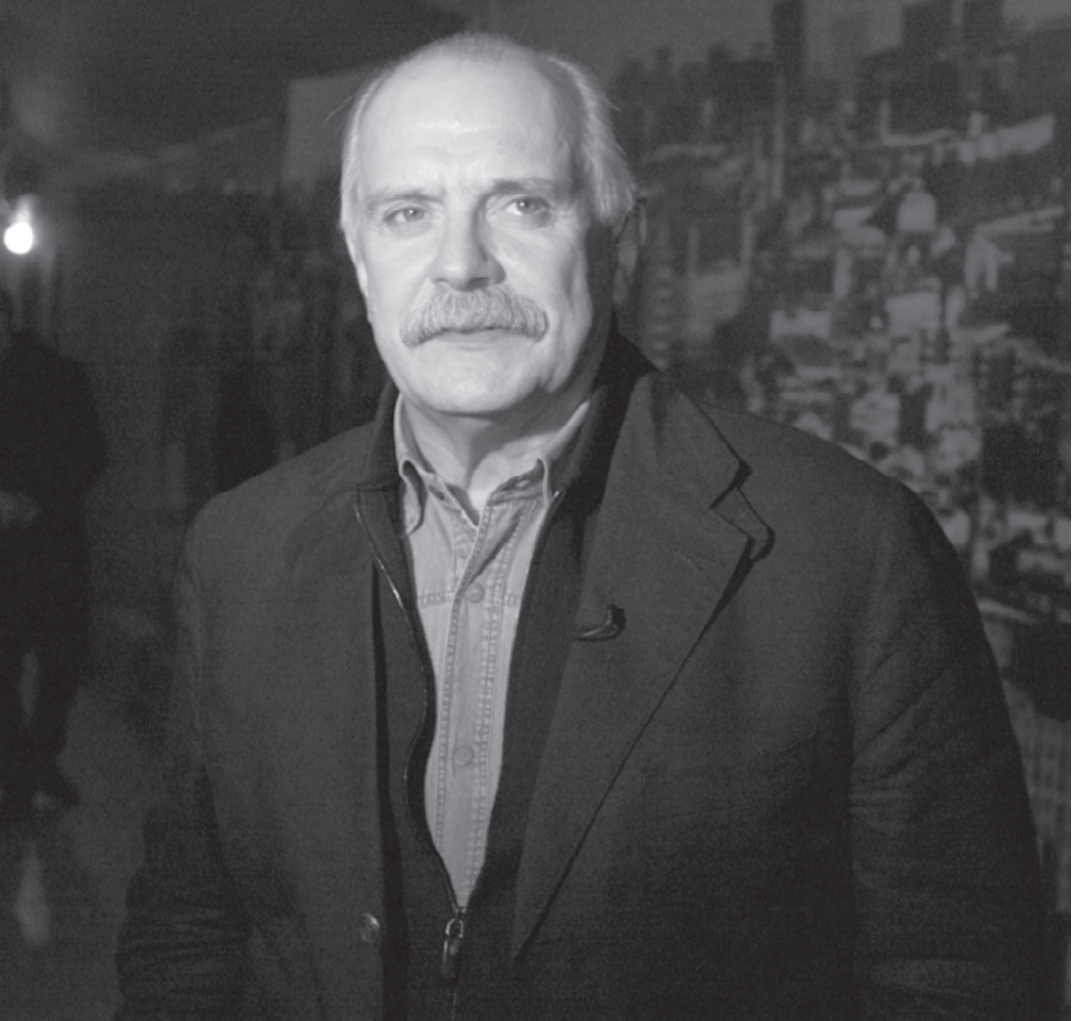
Так благородными красками вырисовывается в повествовании лирический герой. В главе "Неоконченная пьеса для механического пианино" Никита Сергеевич по-особому пристрастен к финалу — к фигуре мальчика, поясняет, что его появление "придало фильму ощущение движения жизни — неуследимой и непредсказуемой... всегда оставляющей людям надежду. И такое решение, мне кажется, очень сродни мирозерцанию Чехова". Лирический герой или художественный "двойник" автора — он чеховский. В стилистике книги угадываются признаки чеховского письма. Перелистываются страницы, и вдруг — чеховская интонация, например, о родовом гнезде: "Я помню, как скрипела каждая ступенька, звенела щеколда...". Или, наподобие чеховского, прольётся чувство: "Когда я улавливаю живого Бунина, это вызывает у меня просто дрожь". Такое же (по-моему, стержневое михалковское) чувство в раздумьях о самом Чехове: "чеховская драматургия, впрочем, как и проза, напоминает мне тропинку в траве. Её практически не видно, все подтексты, все смыслы потаены, а ведь — если приблизить глаз — это очень ясные, причём двойные, и тройные, и далее ветвящиеся смыслы... Весь Чехов для меня — вот эта тропинка в шевелящемся под ветром поле".

Конечно же, "Территория любви" пронизана иронией и юмором, иногда с чеховским отливом. То встретит чеховской улыбкой: "дед писал мой портрет. Меня ели комары, мухи, но я позировал с детской стойкостью". То позабавит сценкой: служебный вход Таганки, молодой Михалков перед отлётом на Камчатку, на флотскую службу, и приставленный к нему военкоматом ошарашенный человек — ведь к ним вышел Высоцкий с гитарой. Или прильнется самоиронией: "мне... хотелось всего и сразу; и снимать, и играть, и на лошади скакать" (это в остроожженной главе "Свой среди чужих, чужой среди своих"). Поразило афоризмом, для посвящённых: "конец бояться — не снимать кино" (в связи с опасным случаем на съёмках "Станционного смотрителя"). А может пуньнуть сарказмом: "приехал я на Запад с молочными зубами, а вернулся оттуда с железной вставной челюстью". Так про создание другой картины по Чехову — "Очи чёрные".

Эта картина участвовала в конкурсе Каннского кинофестиваля, "Пальмовую ветвь" за лучшую мужскую роль получил сыгравший героя Марчелло Мастроянни, хотя картина, как узнал режиссёр, "шла прямымком на главный приз. Тогда Элем Климов заявил: "либо "Очи чёрные" не получат "гран-при", либо он уходит из жюри. Об этом мне поведал Ив Монтан, бывший в тот год председателем жюри". А ведь было время, когда Элем Климов позвал молодого актёра в свой режиссёрский эксперимент, и Никита Михалков блеснул раскрашивцем, косая сажень в плечах, опричником Кирибеевичем в знаменитом пародийном эпизоде по "Куцпу Калашникову", в смелом танталливом фильме "Спорт, спорт, спорт"...

По фильму "Родня" режиссёр Михалков получил 117 поправок худсовету, потом был вызван на партком "Мосфильма", сумел узнать решение: кинопроект картине не светил. Приехал домой, начал жаловаться маме. "А она меня приобляла и сказала: "Значит так надо...". Три простых слова. Промыслительных. "И я понял, что это одно из самых мудрых правил жизни: относиться к происходящему с простым смирением". Но далее не преминул напомнить: "Когда чуть ли не с самого начала горбачёвской "гласности" и "перестройки" все вдруг начали кричать, как их притесняли, я нигде не говорил, что "Родню" продержали три года на полке".

Не смог смолчать в 1986-ом, на 5-ом "революционном" съезде Союза кинематографистов СССР.

Съезд гремел, негодовал, целился в советское кино. Порочил, шельмовал, едко оскорблял крупнейших кинематографистов за то, что чтила их "тоталитарная" власть, награждала, давала зелёный свет. Никита Сергеевич единственный (!) поднялся на защиту мастеров старшего поколения, режиссёров-фронтовиков, в первую очередь Сергея Фёдоровича Бондарчука. Но прошло немного лет и выяснилось: прав был Михалков, победа за ним! Только очень горько, что прошедшие через страшную войну художники кино, пройдя через тот злосчастный съезд — как-то вскоре один за другим улетели от нас, обернулись "усталым журавлиным клином". А их кинопроизведения — фильмы Бондарчука, Озерова, Чухрая, Кулиджанова, Росточного, Матвеева и, наконец, замечательного комедиографа Гайдая — и сегодня не сходят с экранов, к ним принимают новые поколения, они — часть национальной достояния.

О великом советском военном прошлом киноавтор говорит исключительно с признанием: "кино о Великой Отечественной — целая планета". Но затем поразмыслит: "все классические военные фильмы... воссоздавали общепринятую героико-патристическую интонацию".

И он напишет, как, создавая военную диалогию "Предстояние" и "Цитадель", ("Утомлённые солнцем 2") искал иную, собственную интонацию. Напишет главу публицистическую, духоподъёмную, полемическую. Пролишет весь восьмилетний процесс — от замысла, через вдохновенный, всё потлощающий труд "в буквальном смысле на износ" до показа в Каннах. Расскажет о гигантском количестве архивных материалов, которые не только были осмыслены исторически, мировоззренчески — найденные потрясающие истории простых солдат он прожил сердцем, горя, сострадая, преклоняясь и дивясь: "Как получилось, что гигантская, мощнейшая немецкая армия, на которую работала чуть ли не вся Европа... была разгромлена?". Потому и выдаст сокровенное: "Я не

верю в то, что без Божьего промысла была возможна такая победа".

Каково же ему было с такими мыслями и настроением слушать о картине "Цитадель" бойкую телеведущую: "Почему же вы в картине живой? Взорвался и всё — нет Котова. Потом вы опять появляетесь. Я говорю: люди! Он наш родной Терминатор". Терминатор?! Герой голливудской фантастики? Ей-богу, хоть лекцию читай, что есть в литературе и в кинодраматургии такое понятие, как собирательный образ. Надо бы знать журналистке о великом собирательном, обобщённом образе русского солдата, не фантастическом — народном, животворном. И может быть, когда придумывался эпизод: Надя и Котов цепы-невередимы на танке, по дороге на Берлин, в памяти автора озарился этот образ: "...не верьте/ Разве это неведомёк! Не подвержен Тёркин смерти/, Коль войне не вышел срок". И русский офицер, то есть, бывший комдив, потом гулаговский ээк, штрафник, потом генерал Сергей Котов — тоже образ обобщённый, по воле автора не убитый, по мысли — не побеждённый.

"Этот фильм — целая веха в моей жизни" — кажется, ради очерка об этой военной диалоги сработана вся эта впечатляющая своеобразная повесть. Пожалуй (текст подкашивает), и герой по-прежнему крепко сидит в Народном артисте, ведь дался, натурально, кровью и травмами. И ещё в этой главе наиболее выразителен Автор. Из одарённости, стойкости, остроты ума, отваги, товарищества соткан словесный автопортрет. И в целом его книга — открытая, светлая. Соретая весёлым нравом, отзывчивым сердцем. Исповедующая красоту и правду. "Территория моей любви" Никиты Михалкова — это пространство русского художника, благородного, гордого, скромного. Человека чести, воли, христианского духа. В самом высочком смысле (пусть будет веперечиво) — Слуги Отечества.

Ольга ПАЛАТНИКОВА

ТЕАТР-ПУТЕШЕСТВИЕ

Юбилейный сезон
Московского государственного
историко-этнографического театра

ТРИДЦАТЬ ЛЕТ НАЗАД был основан Московский государственный историко-этнографический театр. Уют, открытость, гостеприимство и дружелюбие стали за это время истинной визитной карточкой этого театра.

И шаг за шагом, в течение многих лет, театр укреплял свой авторитет на международной арене. Гастролируя и участвуя в фестивалях народного творчества, он побывал в разные годы в Грузии, Испании, Польше, Германии, Голландии, Франции, Болгарии, Корее...

Фольклорные мотивы, привезённые из дальних краёв, ожили теперь на сцене в костюмированном и пышном спектакле "Музыкальное путешествие" (поставленном Михаилом Мизюковым), который превратился в настоящий праздничный фейерверк к юбилейной дате, став автобиографической историей путешествий театра по разным материкам.

Поёт гитара в грузинской долине, льётся песня на солнечных испанских полях, грустные и лиричные польские мотивы в берёзовой роще... как же много неповторимого и вместе с тем общего в национальной культуре разных народов!

В эти моменты понимаешь, как важно любить и ценить свою культуру, как она прекрасна и интересна. Актёры тем временем легко и изящно перевоплощаются то в порывистых грузинских горцев, поющих кахетинскую родственную песню, то в азартно исполняющих "Танец с пощёчинами" немецких парней, то в скользких по земле в ритуальном действе корейских танцоров — показывая неповторимость каждой детали национального фольклора. И мы видим, как по-своему загадочно и содержаны голландцы, как игривы, лукавы и любвеобильны французы, как яркие и темпераментны болгары в своих невероятно живописных костюмах и танцах...

Вместе с тем, сложный, яркий, многоликий спектакль показывает общий образ родной земли у самых разных народов: поспевающий урожай на полях, тёплый уютный дом, где в почете живут старики, трудятся хозяева, взрослеют и подрастают счастливые дети, царят согласие, достаток и мир. Музыкальное путешествие говорит нам о том, что, где бы вы ни были, надо ценить тепло родного дома, землю, акормившую вас, и бережно, с сыновней любовью относиться к своему Отечеству. Недаром на заднике в качестве фона для танцев и песен всех народов изображено хлебное поле и синее небо над ним. А в перерывах между действиями, пока актёры готовят к следующему выходу, по нему скользят кадры кинохроники, показывающие жизнь страны, в которой сейчас окажется зритель. И прежде всего — это повседневные труды и заботы крестьян, ведь в них источник каждой национальной культуры.

Начинает спектакль русская колыбельная песня и колыбельной же песней, но уже в исполнении женщин всех стран, где зритель успел побывать за вечер, он завершается. Напоминаая всем о том, как, в сущности, мы тесно связаны друг с другом на подаренной нам судьбой Родной Земле.

Сергей ЯНОВСКИЙ

Ближайшие спектакли "Музыкальное путешествие" — 10 и 16 декабря в 18.00.
Адрес: Ул. Рудневой, 3. Проезд: м. "Бабушкинская", далее авт. 124, 174, 238 до конечной остановки "Станция Лосиноостровская" или любой электричкой с Ярославского вокзала до станции Лосиноостровская.
Справки по тел. 8 (495) 411-11-35

"К востоку, всё к востоку
Стремление земли..."

Василий ЖУКОВСКИЙ

СТИЛЬ À LA TURQUE, популярный в XVIII-XIX веках, имел приблизительно такое отношение к Турции. Отдаленно-туристское. Скорее игровое и развлекательное, чем даже этнографическое. Скольжение по верхам, восприятие роскоши и красотостей. Европейца всегда манил восток — не только сокровищами, но и неразгаданной тайной. "Дело тонкое", — усмехался товарищ Сухов. Закрытый, традиционный мир — явная противоположность экстравертной, динамичной западной жизни. И нам не сойтись никогда! Войны, перемирия, посольские дары, заметки путешественников, эскизы с натуры — попытки понять и ощутить. На стыке реальности и воображения появляется ориентальный миф — грёза европейца, мёрзнувшего в своём дождливом Лондоне или снежной Москве, об Истамбуле с неистово-яркими кра-

и на край света", — писал Вольтер, попутно высмеивая современные ему французские нравы и обывочность. Человек, вернувшийся с востока, тут же становился героем салонов и гостиных: его рассказы очаровывали, а привезённые веера, благовония и чеканные кувшины вызывали зависть. А уж если какой-нибудь барон-путешественник привозил драгоценности — он мог рассчитывать на самые фантастические сплетни о себе. Великолепие, тайна, кровь, смарагды, гурии — всё это восток, действительный и легендарный. Шахрезада ждёт!

В музейном комплексе Царицыно сейчас проходит выставка "Пламень и нег Востока. Турецкая тема в русской культуре 1760–1840-х годов". Для России XVIII-XIX

на край света", — писал Вольтер, попутно высмеивая современные ему французские нравы и обывочность. Человек, вернувшийся с востока, тут же становился героем салонов и гостиных: его рассказы очаровывали, а привезённые веера, благовония и чеканные кувшины вызывали зависть. А уж если какой-нибудь барон-путешественник привозил драгоценности — он мог рассчитывать на самые фантастические сплетни о себе. Великолепие, тайна, кровь, смарагды, гурии — всё это восток, действительный и легендарный. Шахрезада ждёт!

В музейном комплексе Царицыно сейчас проходит выставка "Пламень и нег Востока. Турецкая тема в русской культуре 1760–1840-х годов". Для России XVIII-XIX

«Жёны Гирея» (1837). Художник Карл БРЮЛЛОВ

сками. Подражают сильному: Османская империя входила в число грозных держав. Часть современной Европы бедствовала под игом, принимая турецкие обывочности и правила игры. У аббата Прево в одной из галантных новелл можно прочесть: "Молодой человек из Богемии, по имени Вердинь, уже несколько лет томился в рабстве, и единственной его отрадой было то, что он нравился дочери своего хозяина, сердце которой завоевал без особого труда. Жили они в болгарском городе Градиште...". Речь шла, собственно, о Турции, а сам рассказ назывался "Приключения прекрасной мусульманки". Восток — это не только каменные и халва с шербетом, но и кровожадность, рабство, гибель. Притяжение равно отторжению. Тонкое-тонкое дело! Один неверный жест — и пошла резня.

Восток считался диким — и потрясающим одновременно. Европейские мыслители часто использовали эту антитезу в своих "персидских" и "турецких" письмах, сочиняя послания от лица восточного гостя. "Мой дорогой сын, я смертельно боюсь вторжения европейских дикарей в наши благодатные края. Пришельцы с Запада — обитатели бедного края, где почти не производят шелка и вовсе не производят ни хлопка, ни сахара, ни пряностей. У них нет даже глины, из которой мы делаем фарфор. Им знаком лишь один-единственный напиток, да и тот лишает их рассудка. Подлинное их божество — золото, за которым они готовы лететь хоть

веков "турецкий вопрос" — это не столько павлины с гуриями, сколько война с геополитикой. Отсюда "пламень" в самом названии. Многие экспонаты связаны с Русско-турецкой войной (1768–1774) и планами Екатерины II по освождению Константинополя от османов. Имя одного из царевичей — Константин — дано в честь будущего триумфа в древнем Царьграде. Явлены разные виды оружия и батальные полотна. Перед нами турецкая сабля из булатной стали, приобретенная Александром I в Константинополе. Эта вещь — поразительная сама по себе — является хитрой подделкой. Изготовленная в конце XVIII века, она значилась как "творение 70 года Хиджры", то есть 653 года. Но эта сабля хотя бы из Турции, а в те годы по рукам ходило много итальянских фальшивок. Но и русские умельцы не отставали. Гоголь иронизировал: "Потом были показаны турецкие кинжалы, на одном из которых по ошибке было вырезано: "Мастер Савелий Сибиряков". На выставке представлены образцы оружия, сочетающие как европейские, так и восточные технологии — например, шлага, выкованная в Турции и украшенная восточным орнаментом. Тут есть ещё несколько предметов, созданных на стыке традиций. Драгоценные часы с турецким корпусом и, разумеется, европейской начинкой. Кстати, восточные владыки очень любили получать в подарок именно часы — султаны и шахи имели в своих коллекциях до сотни

английских часов и часиков, которые зачастую некому было чинить, а потому даже сломанные механизмы выставлялись для похвалы и фанфаронства.

Немецкие принцы и наши помещики, коллекционировавшие азиатскую прелесть, часто выглядели не лучше. "Интерьер" Николая Жерена (1830). Эпоха бидермайер — явление к перегруженным композициям и пёстрым, нелепому дизайну. Помещение в духе "l'equieure". Алье стены, устрашающие доспехи, щиты, кинжалы, сабли, ваза, неременный ковер, шкура поверженного тигра и — кульминация! — маленький хозяин в экзотическом платье, с кальяном и обаяшкой. Человек — приложение ко всей этой нарочитой помпе. Он демонстрирует

свое богатство — подобные штуки стоили дорого и могли оказаться "липой", понаделанной где-то в районе Малой Арнаутской улицы. Но мода есть мода — мягкая тирания, заставляющая проглотить. Неслучайно Александр Дюма подаёт могущество графа Монте-Кристо через ориентальный шиф: "Вся комната была обтянута алым турецким шелком, затканым золотыми цветами. В углублении стоял широкий диван, над которым было развешено арабское оружие в золотых ножнах, с рукоятками, усыпанными драгоценными камнями: с потолка спускалась изысканная лампа венецианского стекла, а ноги утопали по щиколотку в турецком ковре...".

Восточные байки — это неперенный гарем. Будоражающая тема. Скрытые сокровища жестокосердных владык. "В тени храпительной темницы / Утаены их красоты". В XVIII столетии разыгрывались галантные комедии, наподобие "Трёх султанов" с Жюстиной Фавар, а гении — вроде Моцарта — замаскировали на "Похищение из сераля". Но всё искромётно, как в бурбонском Версале — интриги, легкомыслие, игра случая. В эпоху романтизма интерес к султанским жёнам и адикалам не иссяк, а напротив, заиграл новыми красками, возникло целое направление в беллетристике, где главная героиня — европейская аристократка — попадает в гарем, а там уж как фантазия прикажет. Среди душещипательной макулатуры попадались и шедевры-жемчужины. Впрочем, далеко ли нам ходить? "Бахчисарайский фонтан" — ай да Пушкин! "Как милье тёмные красы / Ночей роскошного Востока! / Как сладко лютуют их часы / Для обожателей Пророка!" Иллюстрируя к стихам — полотно Карла Брюллова "Жёны Гирея" (1837) — сочные детали среды ароматной лени: "Нет, жёны робкие Гирея, / Ни думать, ни желать не смея, / Цветут в унылой тишине", а вдалеке — печальная Мария, напоминающая ренессансных героинь. На картине Иоганна Дорнера "Невольницы" (1840 — нач. 1850) изображены белокожие европейки — антично сложенные, с округлыми формами. Их судьба плачевна. Иль чудесна? Одна из девушек рыдает, но вторая глядит задумчиво и трезво. Быть может, её ждёт судьба божественной Роксоланы?

В европейскую моду проникли занятные детали восточных нарядов. В XVIII веке svenskie дамы (в том числе маркиза де Помпадур) обожали позировать художникам в турецком платье, на "аутентичной" софе. В

1810—1840-х годах увлечение манерными стихами о "розах Голистана" сделало популярным типаж выдуманной азиатки. Никакой смуглоты и сухости. Только усадка! Только рахат-лукум с миндалём! Луноликая, темноплазая, с чёрными блестящими волосами и округлыми формами. Такими рисовали красавицы Брюллова — его "Турчанка" (1840) ничем не отличается от петербургских барынь, которые заказывали ему парадные портреты. Примечательны тюрбаны — несомненно, скрученные из привозной ткани и для лучшего колорита сбрызнутые благовонием. На выставке можно увидеть несколько характерных изображений: дамы в кружевах, с рукавами-буфами и узкими талиями, но в тюрбанах или

накинутыми на плечи восточными шальями. Интерьеры, картины быта. Расшитые подушки на ottomane, домашние туфли без задников и, разумеется, халаты — знак извечного сабирства: "На нём был... настоящий восточный халат, без малейшего намёка на Европу, без кистей, без бархата, без талии, весьма поместительный, так что и Обломов мог дважды завернуться в него. Рукава, по неизменной азиатской моде, шли от пальцев к плечу всё шире и шире".

Турецкий стиль — это вневременные клише, которые часто развиваются о скучноватую правду. Недаром ещё Александр Дюма писал: "Турки, некогда столь живописные в своих длинных халатах ярких цветов, разве не отшатнулись теперь в синих, наглухо застёгнутых сортуках и греческих фесках, делающих их похожими на винные бутылки, запечатанные красным сургучом?". А-ля тюрк — это мифологическое представление, усиленное поэтами и художниками. Вот сказочная кружка в виде головы турка (завод Гарднера, конец XVIII в.). Тысяча и одна ночь. Усатый красавец в чалме. Но есть и прикладная наука — этнография. Целый зал посвящён работам путешественников. Турецкие типы и виды. Город. Силуэты людей. Дороги. Мечети. Стамбул — город контрастов. Точнее, Константинополь, как указано в сопроводительной табличке. Рисунок Алексея Корсакова (1848) — знойный город из белого камня. Тут уже никаких Аладдин с Синдбадами — субугая натура. А вот зарисовки Михаила Ларионова, созданные на полвека раньше, несут на себе печать галантного столетия — даже танцующий дервish выглядит, как персонаж Les Indes galantes Жана-Филиппа Рамо. В разделе "Восточная Аркадия. Путешествие по Тавриде" мы попадаем в наш Крым с его ориентальным колоритом. Крепости и развалины. Пышная природа и тумзные типажы. Какая же восточная феерия без турецкой бани? Этот вид культурного досуга в те времена восхищал не только заезжих европейцев, привыкших мыться в тапике, но и русских людей, имеющих свои банные традиции. Хаммам — это мудреный ритуал, а не просто помывка. Среди экспонатов — посеребрённые сандалии (XIX в.) для хаммама. Умение жить, тяга к наслаждениям и при этом — страсть к жестокой сече. К оружию. К ятаганам, разящим без ошибок. Таков загадочный и чуждый восток. Дело тонкое!

Галина ИВАНКИНА